

Роксолана Жигон

Роксолана Юрьевна Жигон (dr. Roksolana Zigón) – кандидат экономических наук, доктор политических наук, политолог, эксперт в сфере геополитики и глобальной дипломатии, сотрудник Женевской школы дипломатии и международных отношений (Швейцария), старший советник фонда «Тиллотом» (Индия), президент и основатель АНО АРФАИМ «Новое Просвещение».

ЖЕНЩИНЫ В ДИПЛОМАТИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

«Есть многое на свете, друг Горацио,
что и не снилось нашим мудрецам». Но если сильно поразмыслить, то должно обратиться к праотцам. Сколь слаб сатрап, столь жалок его дух вне истин, Трепещущий пред ликом перемен. Все бы в истории легло как козырь в рукаве игривой кисти, Коль не винули бы во всех грехах **la femme fatale**.

Роксолана Жигон

Невзирая на внешние ограничения и общественные предубеждения, эти дамы творили историю в изысканных стенах своих светских салонов, на балах, в объятьях монархов и самых передовых умов своей эпохи.

Женщины и дипломатия

В плеяде ярчайших представительниц той поры блистали герцогиня Вильгельмина Саган, княгиня Екатерина Багратион – известные в Европе «светские львицы», а по совместительству – успешные «агентессы влияния» и шпионки.

Немецкая герцогиня Вильгельмина (урождённая Екатерина Петровна) де Саган, любовница Меттерниха и сестра любовницы Талейрана – внучка Эрнста Бирона, фаворита российской императрицы Анны Иоанновны. Современники называли её «Клеопатра Курляндии».

Екатерина Павловна Багратион, урождённая Скавронская – дочь Екатерины Васильевны Энгельгардт, племянницы и любовницы всесильного временщика Григория Потёмкина. Екатерина Скавронская в возрасте 17 лет была выдана замуж за 35-летнего генерала Петра Багратиона. В 1805 году она сбежала от своего прославленного, но «скучного» мужа в Европу, где и жила до конца своей жизни. Умерла в Венеции. Внучатая племянница князя Потёмкина была известна под прозвищами «Русская Андромеда», «Lebelangenu» («Обнажённый Ангел») – за пристрастие к прозрачным платьям) и «Chatteblanche» («Белая кошка»). Детей от Багратиона у неё не было. Зато в 1810 году она родила дочь от Меттерниха, которая, по приказу Александра I, была записана как Мария Клементина Багратион.

На фоне споров о женской природе и качествах женственности (*querelle des femmes*), начатых ещё в XIV столетии французской писательницей Кристиной де Пизан и ставших одной из тем для дискуссий в салонах – новых социальных институтах, появившихся в Париже, а затем и в других европейских столицах в течение XVIII–XIX веков, в сердце культурного и дипломатического умиро-

Княгиня Д. Х. Ливен

Вильгельмина де Саган

Екатерина Павловна
Багратион

творения между Россией и Европой, появился исключительно незаурядный и блистательный образ княгини Дарьи Христофоровны фон Ливен, светской львицы первой половины XIX века, тайного агента русского правительства в Лондоне и Париже, прозванной современниками «дипломатической Сивиллой».

Но кем на самом деле была княгиня Ливен?

Княгиня Ливен – «дипломатическая сивилла» Европы

Дарья, или Доротея Христофоровна Бенкендорф, родилась 17 декабря 1785 года в Риге. Чистокровная немка, лютеранка, она принадлежала к прибалтийскому дворянскому роду, происходившему из Бранденбурга. Её предки вели родословную от Иоанна Бенкендорфа, старшего бургомистра Риги, приобретшего этой должностью дворянство согласно шведскому закону 1660 года. Отец – Христофор Иванович Бенкендорф (1749–1823), генерал от инфантерии и кавалер ордена Александра Невского. Его мать, бабушка Дарьи Христофоровны, была любимой фрейлиной императрицы Екатерины II, оказывавшей Христофору Ивановичу покровительство и назначившей его военным губернатором Риги. Родная сестра А. Х. Бенкендорфа, супруга князя Христофора Андреевича Ливена, видного дипломата, посла Российской империи в Пруссии, затем, на протяжении двадцати двух лет, в Великобритании.

К сожалению, имя княгини Ливен известно лишь крайне узкому кругу специалистов-международников; в российской исторической науке её жизнь и деятельность до сих пор не являлась предметом серьёзного исследования, несмотря на то что фигура княгини Ливен никогда не ускользала от внимания западных исследователей начиная с конца XIX, когда стало доступно обширнейшее документальное наследие первой женщины-дипломата в истории Российской империи.

Одной из первых книг, посвящённых деятельности Ливен, явилась работа французского исследователя Э. Доде «Жизнь посланницы прошлого века. Княгиня Ливен». Это исследование охватывает весь период жизни и деятельности княгини Ливен и до сих пор не потеряло своей научной значимости. «Английский период» её жизни, связанный с пребыванием в Лондоне в 1812–1834 годах, оценивается в целом весьма позитивно как пик её карьеры и влияния.

По мнению известного английского исследователя Х. Темперли, «она была признанным лидером в английском обществе в течение почти двадцати лет, и никогда ещё иностранка не получала сведения об английском обществе из первых рук и не обладала бы большим влиянием в нём».

В 1920-е годы автор имел возможность работать в советских архивах и впервые ввёл в научный оборот большой массив документов, озаглавленных «Дневник» княгини Ливен, охватывающий период с 1825 по 1830 год. Французский исследователь Ж. Ганото, опубликовавший переписку К. Меттерниха с Д. Ливен, отмечал её неизменную преданность российским интересам, называя её очень русской женщиной, в высшей степени привязанной к своей стране. Что касается следующего этапа

её жизни, который можно назвать «французским» (1836–1857), то он в отечественной и зарубежной исторической науке освещён гораздо меньше.

Оценка деятельности Ливен в Париже также весьма противоречива. Так, крупный французский исследователь М. Кадо в работе «Россия в интеллектуальной жизни Франции 1839–1856 гг.» пришёл к заключению, что Ливен не сыграла большой роли в русско-французских отношениях тех лет и её вряд ли следует рассматривать как влиятельную политическую фигуру.

Кроме того, учитывая активные контакты Ливен с англичанами, Кадо полагал, что *«неизвестно, в чьих интересах – английских или российских, действовала княгиня»*. С подобным мнением вряд ли можно согласиться. Покинув в 1835 году Россию после смерти двух младших сыновей и решив обосноваться в Париже, Ливен оказалась в немилости у российского императора, опасавшегося её активной политической деятельности в столице Франции. Однако, несмотря на нерасположение Николая I, княгиня продолжала служить российским интересам. Не облечённая официальным статусом, не обладая официальными полномочиями, она смогла сохранить своё политическое влияние, а её салон стал одним из самых влиятельных, куда стремились попасть ведущие французские политики и европейские дипломаты. Как отмечал английский дипломат Ч. Гревилл, *«её присутствие в Париже... должно быть очень полезным её двору, поскольку такая женщина всегда умеет найти интересную и полезную информацию»*.

Стоит также отметить ряд современных зарубежных авторов, посвятивших теме великого женского пробуждения в политике и дипломатии Европы, таких как Гленда Слуга и Кэролин Джеймс, издавших в 2016 году монографию «Женщины, дипломатия и международная политика, начиная с XV в.». В сборник статей вошло достойное особого внимания исследование биографии и дипломатической деятельности княгини Ливен в Великобритании и Франции. Книга издана на английском языке и не известна российскому читателю, что в очередной раз наводит на мысль о необходимости возрождения лингвистической культуры и переводческой деятельности в России, так как это самым наилучшим образом препятствует разрушению культурных связей между Россией и Западом сегодня. В России научными и дипломатическими кругами длительное время отсчёт «женской дипломатии» вёлся с появления на исторической авансцене Александры Михайловны Коллонтай (1872–1952) – российской революционерки, первой женщины-дипломата и женщины-министра в истории. Идеология прошлого не давала возможность отдать дань справедливости и воздать достойные почести княгине Ливен как первопроходцу в истории формирования женского образа дипломатии, блистательно соединившей лучшие традиции и просветительские идеи Европы и России. Лишь в 2009 году вниманию российских читателей была представлена первая изданная на русском языке полная биография княгини Дарьи Христофоровны Ливен «Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия», и представленная российским историком, специалистом по истории Франции XIX века Татьяной Петровной Таньшиной.

Княгиня Ливен, обладая удивительно прозорливым умом, исключительными аналитическими способностями, редким даром предвидеть события, предвосхищать возникновение наиболее удачных политических и дипломатических комбинаций в отношениях между великими европейскими державами, создавать настроения и мнения в интересах русского правительства, на полях своих светских салонов в Париже и Лондоне, где она восседала на троне нетитулованной королевы европейской дипломатии, внушала любовь и страсть ведущим европейским политикам и дипломатам, августейшим особам, в круг которых входил король Англии Георг IV, австрийский канцлер К. Меттерних.

Дарья Христофоровна Ливен была в дружеских отношениях и постоянной переписке с ведущими английскими политиками – лордом Ч. Греем и лордом Дж. Г. Абердином; на протяжении последних двадцати лет своей жизни являлась спутницей ведущего французского политика, министра иностранных дел Ф. Гизо.

Среди современников Ливен оценка её личности и деятельности была неоднозначна. Соотечественники её, мягко говоря, недолюбливали, считая иностранкой и порой характеризуя весьма односторонне как шпионку, сбежавшую из страны. Иностранцы, как правило, были иного мнения о политической деятельности княгини Ливен. *«Мужчины и женщины, тори и виги, важные персоны и светские денди, все стремились заполучить её для украшения и престижа своих салонов, все высоко ценили честь быть принятыми ею»*, – писал о её лондонском салоне Ф. Гизо. *«Отличаясь мужским умом и женской чувствительностью, она держала под своей властью монархов и государственных»*

людей и благодаря этому имела политическое влияние, редко доступное женщинам», – отмечала влиятельная английская газета. *«Эта женщина необычайно умна, необычайно остроумна, умеет быть очаровательной, когда этого хочет... Ничто не сравнится с изяществом и лёгкостью её разговора, усыпанного блёстками самого тонкого остроумия, а её письма – это шедевры»*, – писал о ней Ч. Гревилл. Не все иностранцы, однако, были восторженного мнения о ней. *«Женщина с длинным неприятным лицом, заурядная, скучная, недалёкая, не знающая иных тем для разговора, кроме пошлых политических сплетен...»* – писал о ней Ф. Р. де Шатобриан. Эти негативные оценки вполне объяснимы. Княгиня Ливен была слишком заметной и незаурядной фигурой на политическом и дипломатическом небосклоне Лондона и Парижа. Кроме того, не менее важным является и то, что сеть её контактов была максимально подчинена тем интересам, которым она решила служить. Её интересовали, прежде всего, политические пристрастия того или иного человека и польза, которую он мог оказать ей и стране, чьи интересы она представляла. Талейран, отмечая в своих воспоминаниях, что она была достаточно переменчива в своих политических симпатиях, писал: *«...она почти всегда была в лучших отношениях с министром, который находился у власти, чем с тем, который сошёл с Олимпа»*.

И несмотря на кривотолки и колкости, которыми щедро награждали княгиню Ливен недоброжелатели, она продолжала привлекать пристальное внимание лучших умов своей эпохи, внушать почтение, любовь и благоговение, вдохновлять литераторов и поэтов на создание бессмертных шедевров. Союз Ливен и Гизо, по мнению Доде, лёг в основу новеллы Бальзака «Тайны княгини Кадинан». Исследователи биографии княгини зачастую приписывают пробуждение в ней устойчивого интереса к политике её связи с Меттернихом, начало которой относится к 1818 году. Между тем существуют свидетельства, подтверждающие её внимание к политическим проблемам ещё до конгресса в Аахене. Об её увлечении политикой уже в первые годы пребывания в Лондоне свидетельствуют её собственные записки о визите Александра I в английскую столицу летом 1814 года. Этот документ говорит о её наблюдательности, остроумии, умении точно подмечать важные детали и подтверждает её изначально важную роль при английском дворе.

Ливен и русско-английское сближение

Ливен неофициально становится одной из центральных закулисных фигур в европейской дипломатии. Именно ей неоднократно поручались важнейшие дипломатические миссии. В 1825 году Ливен была вызвана в Санкт-Петербург для выполнения особо важного задания Александра I: она должна была содействовать русско-английскому сближению. Сам факт, что именно Ливен, а не её мужа вызвали в Петербург, показателен. Нессельроде хорошо знал о её истинной роли в российском посольстве, ценил её ум, политические способности, её связи и контакты в Англии.

Миссия Ливен была успешной; она произвела очень сильное впечатление на царя, который после первого разговора с ней заметил её брату Александру Бенкендорфу: *«Ваша сестра покинула нас молодой женщиной; сегодня я нашёл её государственным деятелем»*. В то же время этот визит показателен и в другом плане: несмотря на то что Ливен всегда была неизменно предана интересам России, служить отечеству она могла только за его пределами. По складу ума она стала совершенно западным человеком; она отнюдь не страдала чисто русской болезнью придворного раболепия и, несмотря на радость оказаться на родине, весьма тяготилась «этим невыносимым придворным этикетом». Она писала: *«Я видела это зрелище прежде, но я не думала о нём; сегодня же оно меня поразило... Эти занятия пустыми делами; эта важность, которая придаётся мелочам; эта манера каждого русского спешить, чтобы потом долго ждать; это абсолютное самоуничижение и подобострастность к персоне суверена. Всё это разительно отличалось от страны, откуда я приехала»*. Княгиня Ливен стала англичанкой по привычкам, вкусам, образу жизни. Редкие поездки, которые она совершала в Россию, только укрепляли её в любви к Англии. Хотя при российском дворе ей оказывался благосклонный приём, она всегда с радостью возвращалась в Лондон, в ту среду, в которой она себя чувствовала комфортно; возвращаться «домой» означало для неё возвращаться в Англию. Княгиню зачастую обвиняли в шпионаже, что не отвечало в полной мере ни масштабу её личности, ни дипломатической миссии, ни интересам, в хитросплетения которых был посвящён лишь узкий круг доверенных лиц, окружавших её.

«Симпатические чернила Ливен»

О сношениях Ливен с российским двором было хорошо известно французскому правительству и дипломатическому корпусу. Сама княгиня не скрывала этой переписки, напротив, умышленно говорила о ней, стараясь показать, что она не заслуживала обвинений в шпионаже. А вот брату она часто писала шифрованные письма так называемыми «симпатическими чернилами», которые проявлялись при нагревании. Поскольку почерк княгини был очень неразборчивым, что усугублялось ещё и прогрессирующей катарактой, шифрованный текст был написан под её диктовку. Этот второй текст содержал детальные сведения, касающиеся, как правило, актуальных внешнеполитических вопросов, без каких-либо замечаний Ливен личного плана, психологических зарисовок, вообще-то ей очень свойственных. Авторитет имени княгини Ливен в европейской дипломатии и политике был очень высок. Её даже упрекали в непосредственном влиянии на принятие политических решений. В Париже говорили, что во Франции было два министра иностранных дел – Гизо и Д. Ливен. Кроме того, было широко распространено мнение, что княгиня, обладавшая несомненным авторитетом в европейской дипломатии, по-прежнему оказывала заметное влияние на дипломатический корпус. Как отмечала герцогиня Дино, в Париже *«много говорили о том, что княгиня назначает и отзывает послов»*, что вызывало раздражение дипкорпуса.

Ливен и русско-французские отношения

Пребывание княгини Ливен в Париже явилось в определённой степени фактором, стабилизировавшим весьма непростые отношения России и Франции в годы Июльской монархии. Это было связано с негативным отношением Николая I к произошедшей во Франции Июльской революции и приходу к власти Луи Филиппа Орлеанского, которого он считал узурпатором престола. Ливен, понимая, что сближения между Россией и Францией достичь невозможно, прилагала усилия, чтобы сформировать объективное представление об этой стране как о равном партнёре европейских держав, как о стране, обуздавшей революцию и не вынашивавшей планов территориальной экспансии в Европе. Она находилась в тесном контакте с поверенным в делах России во Франции Н. Д. Киселёвым (с 1841 года послы были взаимно отозваны). Весьма вероятно, что продуманные, умеренные донесения российского дипломата создавались не без влияния княгини Ливен.

Февральская революция 1848 года вынудила Ливен уехать в Англию под именем супруги английского художника Робертса. В платье Ливен были зашиты золото и драгоценности. В начале марта она встретила в Лондоне с Гизо, бежавшим в Англию на несколько дней раньше своей подруги. Вскоре они переехали в Ричмонд, где жили в уединении, не зная, что предпринять. *«Я не могу решиться оставаться в Англии, – писала Ливен Баранту 29 мая 1848 года из Ричмонда. . . – А между тем у меня нет надежды, чтобы я могла скоро вернуться во Францию или чтобы я даже хотела этого, так как ваша страна навела на меня какой-то ужас. Между тем лондонский смог и вообще лондонская жизнь так мне ненавистны, что я бежала сюда и останусь здесь; сюда ко мне может приехать всякий, кто захочет. Я буду ездить иногда в Лондон, чтобы повидать друзей. Я отдыхаю, но мне скучно»*. Вскоре из Ричмонда Ливен и Гизо переехали в Брайтон.

Всё это время княгиня не прекращала переписки с императрицей Александрой Фёдоровной, постоянно информируя её о событиях, разворачивающихся во Франции. Писала примерно раз в неделю, иногда – чаще, сообщая все новости о Франции. Она была в переписке с Барантом, герцогом де Бройем, с другими французскими политиками, сообщавшими ей сведения о внутреннем состоянии Франции. Копии этих писем, адресованных ей и Гизо, княгиня также отправляла в Санкт-Петербург. Ливен так отзывалась о политической ситуации в Париже и в целом во Франции: *«Пройдут от диктатуры к борьбе, чтобы вновь оказаться во власти диктатуры. Горячий жар или смиренная рубашка – но что в итоге?»* – писала она 20 июля (1 августа) 1848 года. Вернулась в Париж Ливен только осенью 1849 года. В годы Второй империи княгиня надеялась на франко-русское сближение и полагала, что к тому были предпосылки.

Однако её надеждам на сближение России и Франции не суждено было сбыться; напротив, ей предстояло пережить войну между двумя столь любимыми ею странами. Она искренне надеялась,

что войны удастся избежать, и именно эту надежду и видел Николай I. Но сама Ливен сохраняла трезвость мысли и способность к объективному анализу.

В начале февраля 1854 года Ливен была вынуждена уехать в Брюссель. Княгиня очень тяжело переносила своё пребывание в Брюсселе, как писал Гизо, страдая «от этой неопределённой жизни, от отсутствия собственного жилья и от жёсткого климата, оторванная от своих друзей, от привычного образа жизни». Вернулась в Париж Ливен только 1 января 1855 года. С этого времени и до конца своей жизни она оставалась в столице Франции: доктора объявили ей, что она не перенесёт обратного путешествия. В январе 1857 года княгиня заболела бронхитом и умерла в ночь с 26 на 27 января на руках Гизо и сына Павла. Согласно завещанию, Ливен была похоронена в Курляндии, в родовом имении Мезотен близ Митавы в семейном склепе рядом с сыновьями.

Княгиню Дарью Христофоровну Ливен можно по праву считать первой русской женщиной-дипломатом, ключевой фигурой европейской закулисной политики и дипломатии первой половины XIX века. Политика наполняла её жизнь особым смыслом и энергией, которая окрыляла и вдохновляла передовые умы эпохи и формировала невидимые внешнему взгляду пути свершений.

Фатальный XIX век, фатальное переплетение судеб и политических интересов великих европейских держав, и в центре всех этих перипетий – *la femme fatale* европейской дипломатии и политики, оставившей неизгладимый след в истории международных отношений и великого пробуждения Женщины.

